

АДВОКАТ В КЕДАХ

Попаданка в прошлое

Рамзия Абдрахманова

Рамзия Абдрахманова

Адвокат в кедах

<https://litres.ru/74342484>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ей снова семнадцать. Вокруг — двор спального района Екатеринбурга образца 2003 года, панельная девятиэтажка, киоск «Роспечать» и старый трамвай на перекрёстке. В руках блокнот с котиком, за плечом — школьный рюкзак.

Но в глазах этой девочки горит слишком взрослый, мудрый взгляд. Внутри неё — сорокалетний адвокат Дарья Морозова. В будущем у неё остались статус, дорогие бриллианты и выжженная пустыня в душе, потому что когда-то она предала свою настоящую страсть — архитектуру.

Теперь у неё есть циничный разум взрослого человека и чёткий план на этот второй шанс: послать к чёрту чужие правила, достать чертёжные инструменты и спасти школьных друзей от роковых ошибок, которые разрушат их будущее. Даша вступает в игру, где её козыри — знание грядущих двадцати лет и взрослый опыт. Но изменять прошлое оказывается гораздо сложнее, чем выиграть любой судебный процесс.

Содержание

Глава 1. Аппелляция к юности	4
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Рамзия Абдрахманова

Адвокат в кедах

Глава 1. Апелляция к юности

В свои сорок лет я точно знала две вещи: Гражданский кодекс — лучшее средство от бессонницы, а человеческая жизнь — долгосрочная сделка, в которой меня крупно и очень профессионально обсчитали.

За окнами пустой трёхкомнатной квартиры в самом центре Екатеринбурга стеной шёл летний дождь. Он монотонно, убаюкивающе шуршал по отливам, а редкие тяжёлые капли с чётким стуком разбивались о наружный блок кондиционера. Время давно перевалило за полночь. Я сидела на просторной, сияющей гляncем кухне в строгом костюме стоимостью в несколько средних городских зарплат. Где-то в глубине квартиры мерно, приглушённо тикали часы, подчёркивая звенящее одиночество этих стен. В ушах тускло поблёскивали безупречные, дорогие бриллианты, на запястье едва слышно шуршал хронограф известного швейцарского бренда, а на полированном столе горела одна-единственная тонкая свечка. Я воткнула её в копеечное пирожное «Картошка», купленное в кулинарии на первом этаже моего элитного

дома.

Моя визитка в кожаном портмоне гордо гласила: «Дарья Алексеевна Морозова. Ведущий адвокат по гражданским и корпоративным делам». Буквально сегодня, несколько часов назад, я закрыла самый сложный арбитражный процесс, который длился почти восемь месяцев. Коллеги уважительно жали мне руку в коридоре суда, судья кивала с пониманием, а процессуальные оппоненты неохотно, но признавали полное поражение.

Судебная система в нашей стране — огромный, сложный и невероятно чёткий механизм, работающий по строгим правилам. Мои коллеги и партнёры по бюро были настоящими профессионалами своего дела, преданными закону до мозга костей. Я искренне, глубоко уважала их тяжёлый, интеллектуальный труд.

Проблема была вовсе не в адвокатской практике. Она заключалась во мне самой: я выбрала этот путь не по зову сердца, а под жёстким, ломающим давлением чужой воли.

Всю взрослую жизнь я нанимала топовых, безумно дорогих декораторов для обустройства квартир и офисов. Платила им баснословные гонорары и с тайной, удушающей, почти детской завистью следила за тем, как они смешивают на палитрах цвета, подбирают текстуры тканей, спорят о падении света и уверенными движениями вычерчивают линии перспектив на плотных листах ватмана. Ведь на их месте должна была быть я.

В одиннадцатом классе я буквально бредила архитектурным институтом, дизайном и проектированием жилой среды. Не спала ночами, разрисовывая старые тетради эскизами воображаемых домов. Но мой отец, Алексей Николаевич Морозов, бывший тогда старшим прокурором района, в мой семнадцатый день рождения жёстко отрезал:

— Дизайнер — это не профессия, Даша. Это баловство и глупости для бездельников. Стране нужны законы, а нашей семье — сильный, надёжный юрист.

И я, послушная отличница, золотая медалистка и староста класса, сломалась. Испугалась его авторитета. Молча подчинилась, выбросила маркеры, зазубрила историю государства и права, без единой ошибки сдала экзамены на юридический факультет и прожила чужую — чудовищно правильную, успешную, но глубоко несчастливую жизнь. Из-за вечной погони за карьерой и бесконечных судов не осталось времени ни на друзей, ни на личную жизнь. Те редкие школьные товарищи, с которыми я когда-то делила секреты, давно растворились в тумане прошлого. Я даже не помнила, когда в последний раз искренне смеялась.

— Ну, с днём рождения, Дарья Алексеевна, — тихо и горько сказала я своему отражению в тёмном стекле кухонного окна. — Сорок лет. Прекрасный рубеж, чтобы наконец-то признать: ты так и не решилась стать собой.

Я набрала в лёгкие побольше воздуха, закрыла глаза и занесла руку над огоньком. В голове, наперекор всей хвалё-

ной адвокатской логике, отчаянно и раскалённо забила одна-единственная наивная мысль, сформулированная как последнее, безнадёжное судебное ходатайство: «Я хочу подать апелляцию на эту жизнь. Господи, если ты есть, верни меня в самое начало. Я хочу всё перечертить заново».

Я сильно дунула на фитиль свечи. Огонёк погас, погружая кухню в абсолютную темноту. Шум проливного дождя за окном стих мгновенно, будто кто-то резко нажал на кнопку выключения звука. На одну длинную секунду вокруг воцарилась полная, вакуумная, пугающая тишина, в которой слышался лишь стук моего собственного пульса. А затем в уши ворвался резкий, оглушительный, дребезжащий звон старого механического будильника «Янтарь. Из-за этого металлического надрыва задрожала стеклянная полочка где-то совсем рядом.

— Дашка! Ну сколько можно дрыхнуть, копуша ты этакая! — из-за двери донёсся мамин голос, сопровождаемый аппетитным шкворчанием масла на сковороде. — Яичница на столе, остынет же! И с днём рождения тебя, доченька! Семнадцать лет — совсем уже взрослая барышня!

Я резко распахнула глаза и рывком подскочила на кровати, тяжело и прерывисто дыша. Сердце бешено, панически колотилось где-то в самом горле.

— Это инсульт, — вслух констатировала я. Мой собственный голос прозвучал до странности непривычно — слишком тонко, звонко, без привычной адвокатской хрипотцы и

властных, лекторских интонаций. — Или кома после аварии. Или у меня просто поехала крыша на почве многолетнего выгорания.

Первое, что бросилось в глаза — потолок. Надо мной не было привычного, дорогого дизайнерского натяжного потолка. Вместо него белели старые, слегка пожелтевшие на стыках обои в блёклый розовый цветочек, которые мы с мамой содрали во время капитального ремонта в две тысячи седьмом году.

Я судорожно повернула голову вправо. У стены стоял огромный, громоздкий полированный шкаф советского производства, на деревянной дверце которого скотчем был небрежно приклеен яркий плакат с Наталией Орейро из молодёжного журнала «Все звёзды». На подоконнике в пластиковом стаканчике из-под сметаны уныло рос кактус, обвешанный старыми фантиками от конфет «Шок». В комнате отчётливо, густо пахло мамиными фирменными горячими пирожками с капустой, жареным луком и резким лаком для волос «Прелесть». С улицы, сквозь приоткрытую форточку, долетал бодрый щебет утренних воробьев и далёкий, приглушённый гул проезжающего трамвая.

Я сбросила покрывало в сторону и пулей бросилась к зеркалу на дверце шкафа. Из отражения на меня уставилась девочка. Настоящая, упругая копия меня из прошлого — без единого намёка на морщинки вокруг глаз, с пухлыми юными губами и двумя нелепыми, тугими хвостами, завязанными

ми розовыми махровыми резинками. На мне была простая синяя трикотажная майка на лямках. На груди, конечно, не было кулона с бриллиантом. Зато чуть ниже шеи красовалась маленькая бледная родинка, которую мне удалили лазером в тридцать два года.

Я попыталась закричать, но из горла вырвался лишь глухой писк. Судорожно схватила себя за щёки. Кожа была тёплой, живой и эластичной. Сильно ущипнула себя за предплечье — ох, больно! На стуле рядом с кроватью аккуратно висела тщательно отглаженная школьная форма: тёмно-синяя юбка в складку и белая хлопковая блузка с круглым отложным воротничком. На полу стояли новенькие, пахнущие резким резиновым клеем китайские белоснежные кеды.

Я перевела взгляд на рабочий стол. На нём высился огромный, пузатый монитор компьютера, похожий на белый пластиковый аквариум, под ним лежала серая клавиатура со стёртыми стрелочками. А на стене висел перекидной календарь с пушистыми котятами. Крупная красная цифра на нём гласила: 19 августа 2003 года.

Моя безумная апелляция была удовлетворена. Вселенная приняла дело к производству и вернула меня на исходную позицию. Ментально мне сорок лет, физически — семнадцать. И в моём распоряжении оставался ровно один учебный год, чтобы полностью, до основания переписать своё будущее.

— Даша! Ты там уснула, что ли, прямо перед шкафом?! —

дверь комнаты негромко скрипнула, и внутрь вошла мама.

Я замерла, не в силах пошевелиться. Ей здесь было чуть за сорок. Молодая, невероятно красивая. На ней был забавный домашний халат в крупный горошек, волосы накручены на пластмассовые бигуди, а на лице подсыхала домашняя маска из свежего огурца. Никакой седины, никакого уставшего, потухшего взгляда женщины, пережившей инсульт, который я так отчётливо помнила из своего взрослого будущего.

— Мама... — прошептала я, и слёзы сами собой горячей волной хлынули из глаз.

— Батюшки, ты чего ревёшь-то с самого утра? — мама испуганно всплеснула руками, быстро подошла ко мне и опустилась на корточки. — Дашенька, солнышко моё, ну что случилось? Зуб заболел? Или из-за одиннадцатого класса так сильно переживаешь? Да сдашь ты свой этот новый ЕГЭ, не думай о нём даже! Отец же обо всём договорился с лучшими репетиторами города.

Я не выдержала, подалась вперёд и мёртвой хваткой вцепилась в её хрупкие плечи, уткнувшись носом в халат. Он пах домашним теплом, стиральным порошком «Ариель» и мамой.

— Мамочка, я так тебя люблю, — всхлипывала я, размазывая слёзы по её плечу. — Ты просто не представляешь, как сильно...

— Ну всё, всё, сентиментальная моя именинница, — мама растроганно улыбнулась, нежно поглаживая меня по спине

мягкой ладонью. — Совсем взрослая стала, семнадцать лет исполняется. Умывайся бегом, а то отец уже на кухне сидит. Ему в прокуратуру к восьми тридцати ехать, хочет с тобой серьёзно поговорить перед школой. Ты же помнишь, что тебе в школу сегодня надо поехать? У вас там встреча с учителем по поводу подготовки к 1 сентября.

При упоминании отца внутри мгновенно включился тот самый адвокатский тумблер. Страх, парализовавший мою волю всю юность, вдруг полностью растворился, уступив место холодному, профессиональному азарту. Алексей Николаевич Морозов. Мой главный жизненный оппонент и самый строгий судья. Ну что ж, товарищ прокурор. Посмотрим, как вы справитесь с защитой своих убеждений, когда против вас играет опытный адвокат с двадцатилетним стажем судебных баталий.

Наша хрущёвская кухонька площадью всего шесть квадратных метров казалась крошечной после просторной студии из будущего, но сейчас она выглядела невероятно уютной и тёплой. На стене мерно тикали часы-ходики, на чугунной сковороде аппетитно шкворчала яичница, а из окон открывался вид на просыпающийся, залитый утренним солнцем спальный район.

Отец сидел на привычном месте у окна. Он был в идеальной форме: безупречно отглаженный синий прокурорский китель с золотыми погонами, жёсткий, пронизательный взгляд серо-стальных глаз, аккуратные подстриженные

усы. Строгий, авторитетный мужчина, перед которым в прошлой жизни я сжималась от одного только звука шагов. Перед ним лежала свежая газета «Уральский рабочий», а в руке он держал массивную фарфоровую кружку с крепким чёрным чаем.

— С добрым утром, Дарья, — произнёс он своим глубоким, раскатистым баритоном, не терпящим возражений. — С семнадцатилетием тебя. На финишную прямую вышла. Год предстоит тяжёлый, определяющий. Садись, завтракай.

Я молча села на деревянную табуретку. Мама тут же поставила передо мной тарелку с яичницей-глазуньей и поджаренной докторской колбасой. Я спокойно взяла вилку. Руки двигались плавно и уверенно. Вся подростковая сутулость, весь застарелый страх перед отцовским авторитетом остались там, в сорокалетнем будущем. Я выпрямила спину, расправила плечи и принялась за еду с абсолютным спокойствием взрослого, состоявшегося человека. Мои манеры — аккуратное использование салфетки, правильный, уверенный перехват приборов — заставили отца мельком взглянуть на меня поверх газетного листа. Его левая бровь едва заметно дрогнула, но он ничего не сказал.

— Так, Дарья, — отец отложил газету в сторону, аккуратно свернув её вчетверо. Началось. Этот тон государственного обвинителя я помнила в мельчайших деталях, до каждой интонации. — Раскачиваться времени у нас нет. Сегодня после собрания сразу зайдёшь в секретариат школы, заберёшь

справку с оценками за десятый класс для подготовительных курсов. Я вчера лично говорил с деканом Института Юстиции. Тебя зачислили в утреннюю группу, занятия начинаются со следующего вторника. Будешь зубрить историю, обществознание и основы государства. Нам в семье нужен второй сильный юрист. Юриспруденция — это надёжный хлеб, связи и высокий статус. А твоё рисование...

Он сделал короткую паузу, чтобы глотнуть чаю, твёрдо уверенный, что тема закрыта раз и навсегда. В прошлой жизни я бы сейчас кивнула, проглотила подступающие горькие слёзы, убрала под кровать чертежи и побрела выполнять отцовскую волю, ломая собственное «я». Но не сегодня.

Я спокойно положила вилку на край тарелки. Достала бумажную салфетку, изящно промокнула уголки губ, сложила её ровным треугольником и посмотрела отцу прямо в глаза. Мой взгляд был ровным, ледяным и абсолютно непробиваемым.

— Алексей Николаевич, — чётко произнесла я. На кухне мгновенно воцарилась гробовая, звенящая тишина. Мама, стоявшая у раковины, так и замерла с полотенцем в руках. Отец медленно опустил кружку на стол, его глаза опасно сузились. Я впервые в жизни назвала его по имени-отчеству. — Я вынуждена заявить официальный протест.

— Что? — переспросил он, искренне полагая, что его семнадцатилетняя дочь просто перегрелась на солнце или неудачно пошутила.

— Я говорю, что отказываюсь от посещения подготовительных курсов в Институте Юстиции, — спокойно, весомо и очень отчётливо повторила я, чеканя каждое слово так, словно зачитывала ключевое ходатайство в зале суда. — Я не буду поступать на юридический факультет. Мои документы следующим летом будут поданы в Архитектурно-художественную академию на факультет дизайна. Это моё окончательное решение. Оно обжалованию и пересмотру не подлежит.

Мама испуганно охнула, прижав ладонь к губам. Лицо отца начало стремительно наливаться тяжёлой, багровой злостью. Он резко подался вперёд, опираясь крепкими ладонями о кухонный стол.

— Ты, кажется, забылась, Дарья, с кем и в каком тоне разговариваешь! — рявкнул он так, что жалобно звякнули ложки в стаканах. — Рисование — это хобби! Баловство для бездельников, которые не хотят работать головой! Профессия должна кормить, давать связи и прочное положение в обществе! Ты пойдёшь на юрфак, потому что я уже давно так решил. Я прожил жизнь, и я лучше знаю, что нужно для твоего будущего! Ты сейчас можешь подумать, что это несправедливо, но когда вырастешь, скажешь мне спасибо.

— С юридической точки зрения, папа, твои аргументы сейчас не убедительны, — мягко перебила я его. Мой голос оставался идеально спокойным, контрастируя с его криком. — Прямо сейчас, используя административное и родитель-

ское давление, ты грубо нарушаешь статью Гражданского кодекса, посягая на мои нематериальные блага, а именно — на свободу выбора жизненного пути. Кроме того, закон Российской Федерации «Об образовании» гарантирует мне, как гражданке, право самостоятельно выбирать профессиональное направление. Я искренне уважаю твою профессию, папа. Юриспруденция — это великое, сложное искусство защиты прав, и ты в нём мастер. Но это не моя жизнь. Моё призвание — искусство и архитектура. Юристом в этой жизни я не буду. Я буду проектировать дома и создавать уютные интерьеры. Я буду дарить людям визуальные идеи для комфортной жизни.

Отец открыл было рот, но внезапно осёкся. Он смотрел на меня и буквально не узнавал собственную дочь. Перед ним сидел не напуганный подросток, а матёрый, уверенный в своей правоте оппонент, который оперировал законами так, будто щёлкал семечки. Страх в моих глазах отсутствовал полностью — там царила железобетонная зрелая воля.

— Ты... ты откуда этих слов-то набралась? — тяжело выдохнул он, растерявшись впервые в жизни. — Протесты она мне заявляет... Да ты хоть понимаешь, какой там конкурс на архитектурном?! Там люди из художественных школ годами готовятся! Ты чертить-то профессионально умеешь?! На архитектурный она собралась!

Я встала из-за стола, подхватила свой новенький школьный рюкзак и задорно улыбнулась.

— Умею я или нет, папа, — это покажет время. У меня впереди целый учебный год. И я намерена использовать его на сто процентов. Спасибо за завтрак, мамочка, всё было безумно вкусно! Я побежала, староста одиннадцатого «А» не имеет права опаздывать на собрание.

Я выскочила в прихожую, лёгким движением запрыгнула в белоснежные кеды, накинула рюкзак на одно плечо и вылетела на лестничную клетку. Первая инстанция — домашняя — была пройдена с абсолютным разгромом стороны обвинения.

Я шла по улице и крутила головой на триста шестьдесят градусов, едва сдерживая счастливую улыбку. Боже мой, это была настоящая, чистокровная капсула времени! На дворе стоял две тысячи третий год. Никаких современных стеклянных высоток, пафосных бизнес-центров и коворкингов. Вместо них — старые, добрые серые панели, обшарпанные бордюры и припаркованные у обочин угловатые жигули и лады. На перекрёстке прочно обосновался железный киоск «Роспечать», весь заклеенный яркими обложками журналов «Cool», «Cool Girl», «Все звёзды» и плакатами с Наталией Орейро, Бритни Спирс, Кристиной Агилера, Джонни Деппом. Повсюду пестрели вывески: «Приём платежей за сотовую связь. Билайн, МТС, Мегафон».

Мимо меня стайками порхали девчонки-девятиклассницы. Я чуть не расхохоталась вслух, разглядывая их наряды: джинсы-клёш на такой экстремально низкой посадке, что

верхняя кромка едва держалась на бёдрах, короткие топики, открывающие пупки, и туфли на огромных, массивных тракторных платформах. Из карманов их курток тянулись тонкие чёрные провода к кассетным плеерам.

Я залезла в карман рюкзака и нащупала телефон. Мой бог. Я достала его и бережно положила на ладонь. Легендарный кнопочный Siemens A50! Округлый, пухлый корпус, крошечный монохромный экранчик, светящийся сочным янтарным светом.

Телефон тихо пискнул — пришло SMS. Я открыла меню. Текст гласил: «Дашка, с днюхой! Ты где застряла? Мы у школьных ворот!». Это было сообщение от школьной подруги Тани.

Я ускорила шаг. Из окон открытого балкона первого этажа одной из хрущёвок на всю улицу гремел до боли знакомый, качающий ритм «Иванушек International»: «Тополиный пух, жара, июль...». Меня буквально накрыло волной такой мощной, чистой ностальгии, что захотелось смеяться в голос. Я так любила эту группу тогда. Мир вокруг был простым, понятным и чертовски уютным.

Возле старых кованых ворот школы номер двенадцать стояли они. Мои родные, любимые люди, которых я умудрилась полностью потерять из виду в круговороте взрослой адвокатской суеты. Как теперь себя вести рядом с ними? Я и не помню, когда мы виделись и о чём говорили накануне. Хотя лето же, каникулы. Может, и не виделись толком в по-

следнее время.

Танька выглядела как ходячая энциклопедия моды две тысячи третьего года. Её волосы были густо мелированы белыми прядями, на губах сиял липкий ядовито-розовый блеск с ароматом клубники, а короткая джинсовая куртка была расшита стразами. В руках она мёртвой хваткой сжимала толстую общую тетрадь на кольцах со сменными блоками. Это был её роман — её сокровище. В моей прошлой реальности Танька поддавалась давлению родителей и пошла учиться на бухгалтера. Бухгалтерский учёт — важнейшая профессия, требующая колоссальной точности, системного мышления и железной логики. И Танька со своим умом могла бы стать блестящим финансовым директором. Но проблема была в том, что она пошла туда не по любви, а от страха. А её яркий писательский талант со временем просто угас в серой рутине ЖЭКа. Я твёрдо решила, что в этой жизни не позволю ей бросить творчество.

Рядом с ней, небрежно опершись на допотопный деревянный скейтборд с полустёртым рисунком фирмы «Спорттовары», стоял Артур. Наш вечный Питер Пэн. Широленные джинсы-трубы, в которых можно было спрятать три арбуза, огромная чёрная футболка и кепка козырьком назад. Он весело скалился, крутя в руках пачку сухариков — своё любимое лакомство в то время.

— Дашка-а-а! С днём рождения! — Танька с визгом бросилась мне на шею. Она пахла приторно-сладкой ванильной

туалетной водой.

— Привет! — Артур весело щёлкнул меня по носу и протянул криво завёрнутый в газету свёрток. — Держи, это тебе от нас. Самый дефицитный товар на районе урвали!

Я аккуратно развернула газету. Внутри лежала большая пластиковая коробка профессиональных гелевых ручек с блёстками — целых двадцать четыре цвета — и плотный блокнот на спирали с милым котиком на обложке. Для той, прежней Даши-старосты это был просто практичный подарок для ведения школьных протоколов. Но для меня, сорокалетней женщины, тайно мечтающей о дизайне, эти блестящие ручки показались знаком свыше. Мои первые инструменты для рисования новой жизни.

— Ребята... — у меня перехватило горло. Я посмотрела на их молодые, чистые лица без единой взрослой морщины, без шрамов от предательств, без груза ипотеки и нелюбимой работы. — Спасибо вам огромное. Вы даже не представляете, как сильно я рада вас видеть.

— Эй, Морозова, ты чего, плачешь, что ли? — Артур испуганно округлил глаза. — Так, отставить сырость в день рождения!

Мы двинулись по асфальтовой дорожке к школьному двору. Наш 11 «А» уже собрался в классе. Парни выглядели уморительно в огромных, мешковатых костюмах «на вырост», купленных родителями на вещевом рынке, девчонки забавно балансировали на шпильках.

В класс, засунув руки в карманы узких чёрных джинсов, зашёл парень. Никаких дурацких пиджаков с чужого плеча — на нём была простая свободная чёрная футболка и растёгнутая клетчатая рубашка поверх. В левом ухе поблёскивала маленькая серебряная серёжка-колечко. Взгляд — абсолютно равнодушный, холодный, устремлённый куда-то сквозь кирпичные стены. За плечом он нёс массивный, потёртый чёрный чехол.

Это был Матвей. Новенький. В прошлой жизни я прошла мимо него, посчитав нелюдимым неформалом. Но сейчас, с высоты своего сорокалетнего опыта, я увидела в его осанке, в том, как он держит дистанцию от кричащей толпы, не подростковый пафос, а глубокую, зрелую личность. Он был словно пришелец из другого мира среди уральских серых хрущёвок.

Матвей сел позади меня. Мельком взглянул на меня, на коробку ручек в руках и едва заметно, иронично усмехнулся самым уголком губ. После быстрого распределения ролей на линейку учитель отпустил нас по домам.

Следующая неделя проскользнула сквозь пальцы. Я намеренно не искала встреч с ребятами, позволяя себе просто побыть наедине с этим удивительным чувством: я наконец-то всё делаю правильно. Дома я раскладывала на кровати купленную мамой форму и огромные белые банты. Я смотрела на них и понимала: в этот раз я выйду на школьный двор не послушной куклой, а уверенной девушкой и заодно ши-

том для своей банды. По вечерам я сидела у открытого окна, слушала далёкий мотив «Тополиного пуха» и улыбалась. Я вернулась, чтобы переписать правила этой вселенной.

И вот наступило первое сентября. Вся линейка откровенно засыпала под монотонную, убаюкивающую речь директора школы: «Поздравляю вас с началом нового учебного года, дорогие ученики...». Ветер лениво шумел в кронах старых тополей, бросая на асфальт первые сухие листья. Артур тайно вытащил из кармана свой янтарный Siemens и под прикрытием широкой спины впереди стоящего одноклассника пытался незаметно запустить «Змейку». Танька судорожно грызла колпачок ручки, что-то увлечённо сочиняя прямо на полях тетради со сменными блоками.

Я стояла на правах старосты в самом начале шеренги, отчётливо чувствуя спиной присутствие новенького. Благодаря его высокому росту, мне приходилось слегка запрокидывать голову, когда я оборачивалась. От Матвея приятно пахло мятной жвачкой и свежим утренним воздухом. Он стоял неподвижно, закинув голову вверх и разглядывая летящие по синему небу облака. Я слегка обернулась и посмотрела на него снизу вверх. С высоты своего взрослого опыта я прекрасно понимала: этот парень сейчас отчаянно включает режим холодного одиночки, чтобы просто скрыть банальное волнение от первого дня в новой, довольно суровой уральской школе.

— Чехол за плечом — это способ психологической само-

обороны от местных пацанов с района, или там правда есть инструмент? — негромко, с лёгкой иронией спросила я, чуть повернув к нему голову.

Матвей медленно перевёл взгляд на меня. Его густые тёмные брови удивлённо приподнялись. Обычно примерные отличницы-старосты с огромными белыми бантами не заговаривали с незнакомыми парнями первыми, да ещё и с такой уверенной, взрослой интонацией.

— Там гитара, — буркнул он низким, слегка хриловатым голосом, явно надеясь, что я отстану. — Тяжёлая. Так что

если будут бить на районе, отбиваться ей крайне неудобно.

— Понятно, — я едва заметно улыбнулась. — Гитарист, значит. Наш завуч Борис Эдуардович творческих людей не любит. Если он увидит твою серёжку в ухе, устроит показательную казнь прямо здесь, на линейке. Он у нас местный закон и порядок в одном флаконе.

Матвей хмыкнул, засунув руки ещё глубже в карманы чёрных джинсов и переступив с ноги на ногу.

— Я сам себе закон. А завуч твой пусть сначала покажет мне устав школы, где чёрным по белому прописан запрет на мужские украшения.

Я едва сдержала смехок. Наш новенький пытается качать права перед администрацией школы, даже не подозревая, как устроена эта система изнутри! Во мне мгновенно проснулся профессиональный азарт адвоката.

— Закон «Об образовании» действительно позволяет школе устанавливать требования к одежде обучающихся, — вкрадчиво, но очень уверенно прошептала я, чеканя формулировки. — Однако требовать удаления личных украшений, которые не мешают учебному процессу, — это явное превышение полномочий и прямое нарушение права на уважение человеческого достоинства. Так что если Борис начнёт давить, не вступай в открытый конфликт. Просто спокойно скажи, что твои родители направят жалобу в Департамент образования по факту психологического давления. И сошлѣшься на меня, как на свидетеля.

Матвей буквально замер. Его холодная маска отстранённости мгновенно слетела, уступив место искреннему, глубокому шоку. Он смотрел на меня так, будто у меня на голове вместо бантов только что выросли рога. Он явно ожидал услышать от семнадцатилетней девчонки глупые шутки или кокетство, но никак не безупречно сформулированную правовую защиту.

— Ты всегда такая умная? — тихо спросил он, и в его глазах впервые проскользнула тёплая, живая искорка интереса.

— Только по нечётным числам, — я весело подмигнула ему, чувствуя, как внутри разливается приятное тепло. — А сегодня как раз первое сентября. С Днём знаний тебя, новенький. Добро пожаловать в одиннадцатый «А». Нам скучно не будет, обещаю.

В этот момент директор школы закончил свою речь, и Борис Эдуардович — грузный завуч с багровым лицом в строгом лоснящемся костюме — громовым голосом скомандовал в микрофон: Одиннадцатый класс первыми проходят в здание на классный час!».

Шеренги пришли в движение. Мы двинулись к дверям школы. Матвей шёл чуть позади меня, мерно покачивая чехлом от гитары, и я буквально кожей чувствовала его заинтригованный, пристальный взгляд.

Моя апелляция к юности была принята к производству. Первая инстанция — школьный двор — была пройдена идеально. Я вернулась назад не для того, чтобы снова быть по-

слушной девочкой. Я перепишу эту историю. И мы с ребятами обязательно реализуем свои мечты, а может быть, как когда-то мечтали, дойдём до Питера, до Васильевского острова, который почему-то нас так манил тогда.

За нашими спинами из школьных колонок снова душевно и громко запели «Иванушки», провожая нас в этот долгий, сложный и самый удивительный год нашей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.